

"SỰ NGHIỆP VĨNH CỬU CỦA CHÚNG TA" - SỨ MỆNH CỦA VĂN HỌC NGA TRONG THẾ GIỚI HIỆN ĐẠI

*Olga Anatolyevna Berdnikova**

Bài báo phân tích đặc trưng của văn hoá Nga, nền văn hóa đậm nhận sứ mệnh to lớn trong bối cảnh thế giới hiện đại. Đại thi hào A.X. Puskin khẳng định đây là sứ mệnh tiên tri của nhà hoạt động văn hóa, hướng tới việc hình thành nhân cách con người trên phương diện tinh thần và đạo đức, cũng như kiến tạo hệ thống các giá trị tâm hồn của con người. Văn học Nga là sự thể hiện toàn diện nhất của nền văn hoá Nga, kế thừa những giá trị vĩnh cửu bắt nguồn từ truyền thống văn hoá tinh thần của Cơ đốc giáo. Nguyên mẫu lễ Phục sinh đóng vai trò nền tảng trong văn hoá Nga, là khởi nguồn của niềm hy vọng về sự hồi sinh và chuyển hóa đạo đức của con người. Các đặc trưng khởi nguyên về đạo đức bao gồm lòng hướng thiện, nhu cầu sám hối, thức tỉnh lương tâm, sự từ chối cái ác và khát vọng vượt qua điều ác, cũng như khát khao tinh thần là những đức tính dẫn dắt con người đến với chân lý và lẽ phải. Đây cũng chính là những giá trị tinh thần mà văn học Nga hướng đến nhằm nuôi dưỡng và khơi dậy trong lòng độc giả. Những tư tưởng và hình ảnh đặc trưng của văn học Nga không chỉ mang lại cho nền văn học này nét thú vị mà còn giúp nó dễ dàng tiếp cận với độc giả từ nhiều quốc gia và lục địa khác nhau trên thế giới.

Từ khóa: văn hóa Nga, sứ mệnh, nhân cách, giá trị vĩnh cửu.

This study examines the distinctive spiritual and moral dimensions of Russian culture, particularly as embodied in its literature. It highlights the role of cultural figures—echoing A.S. Pushkin's vision—as spiritual guides shaping human values and ethical consciousness. Russian literature is portrayed as a central medium for conveying the enduring moral ideals rooted in Christian traditions, such as the pursuit of goodness, repentance, inner transformation, and the rejection of evil. At the heart of this moral framework is the Easter archetype, which symbolizes hope, spiritual renewal, and the potential for personal rebirth. These values serve not only as guiding principles for individuals but also as core elements that Russian literature seeks to instill in its readers. This study emphasizes that the universal themes and imagery of Russian literature transcend national boundaries, allowing it to connect with diverse audiences worldwide.

Keywords: Russian culture, mission, personality, eternal values.

* GS.TSKH., Đại học Tổng hợp Quốc gia Voronezh (Liên bang Nga)

Email: olberd@mail.ru

«НАШЕ ВЕЧНОЕ РУССКОЕ ДЕЛО»: МИССИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ольга Анатольевна Бердникова

В статье рассмотрена проблема специфики русской культуры, которая обеспечивает ее особую миссию в современном мире. Эта миссия обозначена словами А.С. Пушкина как пророческое служение деятеля культуры, направленное на духовное и нравственное формирование личности человека, системы его ценностей. Русская литература как наиболее совершенное проявление русской культуры является носителем вечных ценностей, основанных на христианской духовной традиции. Пасхальный архетип является доминантой русской культуры, отсюда надежда на воскресение души человека, его нравственное преображение. Тяга к раскаянию и добру, пробуждение совести, осознанное неприятие или преодоление зла, духовная жажда, ведущая к прозрению правды и Истины – те нравственные начала, которые воспитывает в читателях русская литература, Общечеловеческий характер идей и образов русской литературы делает ее интересной и понятной людям разных стран и континентов.

Ключевые слова: русская культура, миссия, личность, вечные ценности.

Введение

«Глаголом жги сердца людей»... Эти слова из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1836), как и многие пушкинские строки, вошли в лексический состав русского языка. При этом – уже в течение почти двухсот лет – эта строка неизменно цитировалась в разные периоды российской истории, при разных политических системах, разве что изменилось, благодаря реформе орфографии, написание ряда букв. Содержательный смысл понимался примерно во все времена одинаково: слово поэта/писателя должно затрагивать сердце человека, «пробуждая» в нем «чувства добрые». Так А.С. Пушкин определил основную миссионерскую парадигму поэта (писателя) русской литературы –

пророческое служение, и в русской культуре это было осознано как высшее предназначение литературы. Такова миссия и русской культуры в целом, а в современную эпоху это едва ли не самая актуальная задача культуры.

Во многих выступлениях Президента России В.В. Путина и его последних решениях явно просматривается стремление придать русскому языку и русской литературе статус значимого геополитического культурообразующего и духовного фактора. Ведь именно Россия, по признанию многих зарубежных ученых, является литературоцентричной страной, то есть страной, в которой литература и язык являются основными и высшими формами выражения национального самосознания и духа народа, высшим

способом реализации духовных потенций образования и просвещения.

Теоретические и практические основы

Культура, как и религия (культ), занимаются возделыванием души человека, и это самая трудная задача в современных условиях. В нашу рубежную эпоху ученые фиксируют усиление интенсивности духовных исканий, «обострение религиозной и мистической чувствительности» (Сторчак, 2007, стр. 188). В наше время первостепенным становится вопрос о ценностной ориентации личности. Ведь, согласно западным идеологам трансгуманизма, «homo sapiens» должен быть сменен якобы более «совершенным» и долговечным транчеловеком, биотехногенным гибридом, не подверженным болезням и быстрому износу. Книжки, письменность, культура, национальные особенности быта людей объявляются ретро-категориями, подвергаются музеефикации, становятся артефактами «заповедников», которые должны уйти в прошлое.

Вот почему в наше время первостепенным становится вопрос о ценностной ориентации современного человека. Основную парадигму формирования личности человека в аксиологическом русле обозначил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в лекции на тожественной церемонии по случаю присуждения ему степени почетного доктора Воронежского государственного

университета: «Но можно строить свою жизнь по-другому: с самого начала определить свои ценности, исходя из них - свои цели, исходя из целей - действия. Вот эта парадигма: «ценности - цели - действия». Если мы вырываем из этой триады хоть одно звено, рушится логика жизни. Другими словами, ценности, цели и действия есть триада, в границах которых и развивается человеческая личность» (Патриарх Кирилл, 2011, стр.5),

Современные молодые люди отмечают, что «вечные ценности, особенно любовь, переживают глубокий кризис в современном мире», но «истинные чувства, основанные на морали, – это величайшее сокровище, которое не купить ни за какую цену – только выработкой собственной души и нравственности» (из эссе ученика 11 класса) (Бердникова, 2014, стр. 56). И это откровение особенно значимо: ведь, как писал Ф.М. Достоевский в романе «Подросток», «из подростков создаются поколения» (Достоевский, 1982, Т.Х, стр. 379).

Цель статьи – выявить специфику русской культуры и определить ее миссию в современном многополярном мире.

Методы исследования.

В статье использованы сравнительно-исторический, структурно-типологический, культурологический.

Результаты исследования и обсуждение

Что же определяет специфику русской культуры и позволяет ей осуществлять свою высокую миссию в современном мире?

Прежде всего, это доминирование в русской литературе духовной проблематики, точную характеристику которой дал профессор Петр Михайлович Бицилли: «В классической русской литературе нашли свое самое острое, самое углубленное выражение все стороны проблематики Духа.... В Царстве Духа, в мире чистых идей, Блок *требует* Пушкина и Пушкин Блока. В этом Царстве нет времени, и в этом смысле русская литература не имеет хронологии» (курсив П.М. Бицилли. – О.Б.) (Бицилли 1996, стр.156).

Предметом изображения русской реалистической литературы была и остается не просто реальность, а действительность – духовный мир с его страстями, идеями, вопросами веры. Реализм предполагает доверие писателя миру, созданному Творцом. Реалист потому и разрабатывает духовно-нравственный спектр проблем, что верит в существование высшего замысла Бога о мире и человеке и стремится постичь его, неизбежно выходя на вопрос о смысле жизни, добре и зле, правде и лжи. Реалист знает о «замысле мира», чувствует его и берет на себя «добровольное страдание правдивости: лепить не по собственной воле, но «по образу и подобию» с тем, чтобы «тайна бытия», «Душа мира», «промысел Божий» проступили в его писаниях» (Басинский 2000, стр. 63).

Это тем более важно, что русская литература имеет другую отличительную особенность – непосредственную связь художественного сознания с совестью. Именно поэтому в России традиционно большая часть интерпретаций реальности осуществлялась на религиозном языке, чему доказательством является наличие религиозно значимой, духовно-нравственной проблематики во всех значительных произведениях русской классики XIX и XX веков.

Русская классика – носитель своеобразного генетического национального кода, канал, с помощью которого человек получает духовный, нравственный и жизненный опыт. Взгляд воспитанного ею духовного человека дает возможность оценивать окружающий мир в соотнесении с постулатами христианской морали, и человек становится независимым от внешних условий жизни, поднимается над вещным, житейским миром.

Совесть как принцип жизни в этом отношении противопоставлена принципу жизни «по закону», понимаемому в европейском типе цивилизации как жизнь по здравому смыслу и расчету. Сравнивая русскую и европейскую культуры, легко заметить существенные различия: если в романах О. Бальзака мечтой героя становится стремление так или иначе стать миллионером, то о своих героях Ф.М. Достоевский пишет: «Ему не надобен

миллион – дай только мысль разрешить» (Достоевский, 1982, Т. V, стр. 348). В романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» совесть ведет погубившего всех родных Иудушку на могилу матери, чтобы в предсмертном покаянном порыве искупить вину перед ней. Совесть не дает покоя герою повести В. Шукшина «Калина красная», и Егор Прокудин, по сути, добровольно идет на смерть от рук бывших дружков, воспринимая ее как единственно достойное наказание за его несправедную жизнь, за вину перед брошенной одинокой матерью.

Совесть называют «голосом Божиим в человеке» – по самой этимологии слова СО-ВЕСТЬ – благое событие, сопричастное Евангельской Благой вести о Спасителе. Совесть является не просто нравственной, а, в первую очередь, духовной и сугубо личностной характеристикой, и эта духовно-нравственная максима характерна для всех писателей классической русской литературы XIX и XX веков.

Связь сердца и совести лежит в основе христианской антропологии. Сердце – это сокровенный центр души, это средоточие духовной жизни человека, точка соприкосновения с Божеством, источник жизни и света, и вместе с тем оно может противиться Богу, и тогда «ожесточается», «каменеет». В отличие от души, сердце есть центр свободы, условие свободы, только так можно объяснить, что из сердца исходит как добро, так и зло, как ненависть, так и любовь. В ситуации

выбора человек неизменно прилагает к этому свое сердце. «Вера и безверие – их тяжкий, смертоносный порою поединок в душе человека – есть вообще преимущественная тема русской литературы», – справедливо считает М.М. Дунаев (Дунаев 1996, Ч. I, стр. 45).

Именно об этом выборе человека все великие романы Ф.М. Достоевского, который на все времена определил главную тему русской литературы: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Достоевский 1982: Т. XI, стр. 403). В романе «Братья Карамазовы» писатель дал образ «горячего сердца» – это о сердце Мити Карамазова, страстного, грешного, но живого, страдающего, в нем особенно остро идет эта страшная «битва».

В начале XX века Александр Блок, которого смело можно назвать «Пушкиным XX века», продолжит эту тему своих великих предшественников. В цикле стихотворений «На поле Куликовом» он обратился в теме оживления «сердца-мертвеца», сердца, обращенного в лед в результате страшного «второго крещения» леденящими, демоническими стихиями истории. Как и его предшественники, А. Блок понимал, что, если сердце не оживить – «крещеньем третьим будет» «смерть души моей печальной», то есть – снова «мертвые души». Именно в сердце происходит «вечный бой», и результатом такой борьбы может стать как «растерзанное сердце», в котором побеждает «темный огонь» страстей,

так и сердце, оживленное любовью к Руси-России, верностью ее историческому пути. Поэтому и поэма «Двенадцать», о которой спорят уже сто лет, заканчивается образом Иисуса Христа, от Которого отрекаются, но Который не оставляет своей Любовью падший мир и заблудившегося в историческом хаосе человека. В финале поэмы образ Христа символизирует единственно возможную перспективу как для всей державы российской («вдаль идут державным шагом»), так и для конкретного человека, оказавшегося в состоянии метафизической и нравственной путаницы.

Следствием пробуждения в душе человека совести в произведениях русской литературы часто становится раскаяние, которое осознается А. Солженицыным как «категория национальной жизни». Писатель убежден, что «дар раскаяния был послан нам щедро, когда-то он заливал собою обширную долю русской натуры» (А.И. Солженицын 1991, стр. 16). Но в XX веке «благодатные дожди раскаяния уже не смягчали закалевшей русской почвы», поэтому Солженицын считает важным возвращение «дара раскаяния» к каждому отдельному человеку, и выполнить эту миссию призвана литература.

Роль «дара раскаяния» в оживлении сердца человека наглядно показана в фильме П. Лунгина «Остров» (2006). Пожалуй, это единственное

произведение, в котором проблема предательства решается принципиально в ином ключе, по сравнению, скажем, с повестью В. Быкова «Сотников» и ее экранизацией Л. Шепитько (фильм «Восхождение»), именно благодаря возможности совершившего столь тяжкий грех человека покаяться, молитвенным подвигом искупить свою вину. И не случайно мучимый совестью и раскаянием отец Анатолий употребляет для описания своих переживаний слово «жжет» – производное от пушкинского глагола (вспомним: «Глаголом жги сердца людей»). Но не будь исполнителя этой роли – Петра Мамонова, не было бы и фильма в той его интерпретации, которую придал сюжету этот выдающийся актер и интересный писатель, автор рассказов сборника «Закорючки». Кроме того, в фильме изображено и оживление сердца отца Иова, к которому главный герой обращается с вопросом: «За что Каин убил Авеля», прозревая в его сердце истоки зависти, но и эта архетипическая ситуация решается в фильме необычно: «Каин» и «Авель» примирились в Любви!

Это обусловило еще одну отличительную особенность русской культуры – ее Пасхальность.. Пасхальная тема была неизбежна в русской литературе», и ее провозвестником исследователи называют Ф. М. Достоевского, использовавшего пасхальные эпизоды в

своих романах (Захаров 1994, стр. 255). Именно воскресение души на пути к Богу осознается Достоевским, а вслед за ним и всеми русскими авторами, как итог жизненного и духовного пути их героев: достаточно вспомнить обращенную к «русским мальчикам» Пасхальную по духу речь Алеши Карамазова о бессмертии души в романе «Братья Карамазовы». Вся русская словесность «пропитана» пасхальным архетипом, «память» которого, безусловно, проявляется в литературных мотивах, сюжетах, жанрах и вместе с тем не сводима к тем или иным частным литературным проявлениям, а является духовной характеристикой русской культуры (Есаулов 2014).

Самобытность русской культуры гарантирована и первостепенной значимостью категорий отечество/отцовство: ведь и слово «отечество» в нашем языке имеет один корень со словом «отцовство», а русские люди имеют отчество, то есть именуются не только по имени собственному, личному, но и семейно-родовому – по отцу. В этом проявляется действие православной традиции, в которой Отцовство Бога заявлено в молитвенном обращении «Отче наш». Вместе с тем в русской традиции весьма велик авторитет матери, также воспринятый от особого почитания Пресвятой Богородицы, осознанной еще в древнерусской литературе как покровительница русского воинства,

отсюда и сложившаяся в русской традиции категория «Родина-мать» – так в самом языке закреплена идея семейственности.

В нашей отечественной литературной традиции сложились две парадигмы в отношении к Отечеству и отцовству. В основе первой – пушкинской – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» (Пушкин, 2007, стр.415). и это главное, что формирует гражданское сознание. В основе второй – лермонтовской – совсем иное отношение к отцам: «Богаты мы, едва из колыбели, / Ошибками отцов и поздним их умом» (Лермонтов 1964, т.I, стр. 46), то есть возникает уже скептицизм в отношении к наследию отцов, отсюда и жизнь сыновей становится бесцельной. При этом если у Пушкина любовь как чувство иррациональное дает «пищу сердцу», то у Лермонтова доминирует рациональное познание мира (не случайно стихотворение М.Ю. Лермонтова называется «Дума»), плоды которого – печаль, разочарование, скепсис. Но у обоих поэтов сохраняется идея преемственности: «ошибки» становятся достоянием «детей» в той же мере, что и «любовь» у Пушкина. Кстати заметить, в более позднем стихотворении «Родина» Лермонтов уже соглашается со своим великим предшественником, апеллируя к сердцу человека и называя свою любовь к Отчизне «странной», которую «не победит рассудок».

В дальнейшем русская литература наследовала этим двум парадигмам: почти одновременно во второй половине XIX века появляются, с одной стороны, Л. Н. Толстой и И. А. Гончаров с их семейственностью, теплотой, пронзительной темой родства, а с другой – И. С. Тургенев, открыто заявивший конфликт «отцов» и «детей», при этом по отношению к наследию «отцов» у Тургенева уже полный нигилизм (его Базаров подсчитывает исключительно «ошибки отцов»), причем Тургенев осознает этот конфликт как основную общественную и нравственную проблему российской исторической и духовной жизни. У Достоевского в «Братьях Карамазовых» этот конфликт обретает сугубо духовно-нравственную подоплеку и разрешается уже в отцеубийстве.

Писатели XX века, осваивая опыт предшественников, воспринимают обе парадигмы, однако революционные потрясения 1917 года выводят на первый план классовые, а значит конфликтные отношения поколений. Вместе с тем «военная» и «деревенская» проза 1960-1970-х годов актуализирует и пушкинскую «любовь к отеческим гробам», демонстрируя разные художественные решения этой сложной проблемы. Русская литература напоминает, что любой человек есть «сын умерших отцов» (Н.Ф. Федоров), учит уважению к предкам, истории и культуре своего народа.

Заключение

В литературе начала XXI века меняются и будут меняться, усложняться, обновляться формы и способы художественного освоения действительности, но неизменным остается и останется стремление русского поэта/писателя познать глубинный, истинный, христианский смысл совершающегося в мире и человеке.

Пример тому – произведение современного русского писателя Захара Прилепина – роман «Обитель» (2014), уже экранизированный и показанный по телевидению как одноименный сериал. Это книга о том, как жить по совести, когда жить по совести невозможно, о грешнике, который духовно жаждет, ищет веру, как бы не находит ее, но вместе с тем способен совершить высший христианский подвиг – готов отдать жизнь «за други своя». Так Артем встает на место десятого, обреченного на расстрел. Создатели сериала именно этот эпизод делают финальным, возвышая духовный подвиг героя, одновременно и искупающий его грех отцеубийства.

«Обитель» – это книга и о духовном служении священников русской православной церкви, которые и на Соловках пытались «глаголом жечь сердца людей». Символично, что главный герой, в отличие от своего литературного предшественника Родиона Раскольникова, так и не

соглашается принять из рук владыки Иоанна Евангелие: «Всё ищешь, милый, правду или честь. А правда или честь — здесь, — и владычка показал Евангелие. — Возьми, я тебе подарю. Тебе это нужно, я вижу. Как только поймёшь всей душою, что Царствие Божие внутри вас есть, — будет тебе много проще» В этом отказе от Благой Вести о Спасении видит Захар Прилепин исток духовного недуга Артема — а в его лице — человека XX века, в душе которого «только обида и сердечное смятение, вместо того, чтоб покаяться...» (Прилепин, 2021, стр.302.) Эти слова обращены к современному человеку, попавшему в разные, порой не сопоставимые системы идей и представлений, чтобы помочь ему найти путь в Богу, ориентироваться на вечные ценности, оживить сердце!

Тяга к раскаянию и добру, пробуждение совести, осознанное неприятие или преодоление зла, томление духовной жаждой, ведущее к прозрению правды и Истины — вот составляющие того преображения, которое должно состояться в зажженных «глаголом» русского поэта/писателя сердцах современных людей. Любовь, совесть и раскаяние — те духовные дары, которые способны воскреснуть в сердцах даже самых грешных и преступивших законы Божьи и человеческие людей, и эти дары обращены ко всем людям и всем народам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басинский П. (2000). «Как сердцу высказать себя»: о русской прозе 1990-х годов. *Новый мир*, 2000 (4), 185-192.
2. Бердникова О.А. (2014). «Вы даете уроки литературы?» (Из опыта взаимодействия филологического факультета ВГУ со школами региона). *Литературное образование в современном мире*, 52-58.
3. Бицилли П.М. (1996). Избранные труды по филологии.
4. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в Воронежском государственном университете 18 сентября 2011 года». *Воронежский университет*, 29 сентября 2011 года, (2513),.5.
5. Достоевский Ф.М. (1982). Собрание сочинений в двенадцати томах.
6. Дунаев М.М. (1996). Православие и русская литература: Часть I.
7. Есаулов И.А. (2014). Пасхальность русской словесности.
8. Захаров В. Н. (1994). Пасхальный рассказ как жанр русской литературы. *Проблемы исторической поэтики*, 1994 (3), 249-261.
9. Лермонтов М.Ю. (1964). *Собрание сочинений* в четырех томах.
10. Прилепин Захар (2021). *Обитель*: роман.
11. Пушкин А. С. (2007). *Золотой том*. Собрание сочинений.
12. Солженицын А. И. (1991). Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. *Новый мир*, 1991(5), 15-22.
13. Сторчак В.М. (2007). Феномен российского мессианства в поэзии «серебряного века». *Религиоведение*, 2007 (3), 188-198.

(Ngày nhận bài: 29/11/2024; ngày duyệt đăng: 29/7/2025)